

поводителю-ученику и въ поблжденнаго-учителя.
въ томъ видѣ котораго съставилъ. двѣмъ и по тому отъ окрестнаго
позлу Русланъ и Людмила

1820 Мѣсяца 26 Великаго князю

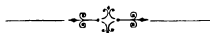
Василій Андреевичъ Жуковскій.

Академикъ А. Н. ВЕСЕЛОВСКІЙ.

В. А. ЖУКОВСКІЙ.

ПОЭЗІЯ ЧУВСТВА И „СЕРДЕЧНАГО ВООБРАЖЕНІЯ“.

Съ приложеніемъ шести фототипій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 л., № 12.

1904.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ 1904 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Съ такимъ товарищемъ не скученъ скучный путь,
Веселый веселѣе вдвое.

(Жуковский).

Александръ Семеновичъ Усовой

въ неизмѣнной дружбѣ

Александръ Веселовскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Двѣ біографіи В. А. Жуковскаго написаны были его современниками; Плетневъ зналъ его во вторую половину его жизни, Зейдлицъ болѣе другихъ посвященъ былъ въ сердечныя тревоги его юности; обѣ характеристики сошлись въ томъ идеальномъ, я сказалъ-бы, нѣскольکو иконописномъ образѣ, въ какомъ мы и теперь представляемъ себѣ поэта. Загаринъ попытался поставить его, и не всегда удачно, въ отношенія среды, которая его воспитала, въ новыя литературныя теченія, которыя его охватили; но образъ остался тотъ-же, только юношескій энтузіазмъ Зейдлица смѣнился тономъ панегирика. Образъ, написанный широкими полосами свѣта; идеализація часто напоминаетъ старую монету, на которой видны одни контуры и исчезли мелкіе штрихи. Намъ важны именно эти мелкія черты, трепещущія жизнью; онѣ объясняютъ намъ многое въ Жуковскомъ, человѣкѣ и поэтѣ, потому что большая часть Жуковскаго въ его поэзіи.

Для такой реальной характеристики собралось значительное количество матеріаловъ со времени появленія книги Загарина, встрѣченной превосходной критикой Тихонравова. Въ особенности работы И. А. Бычкова по изслѣдованію бумагъ Жуковскаго, изданію его писемъ и дневниковъ, и „Остафьевскій Архивъ“ съ драгоценными примѣчаніями В. И. Сапгова принесли множество новыхъ свѣдѣній; инныя разсѣяны по журналамъ. Мнѣ самому довелось воспользоваться нѣкоторыми неизданными пока документами, освѣщающими ту или другую часть біографіи поэта. Многое остается еще подъ спудомъ ¹⁾,

1) По сообщенію П. Е. Рейнбота въ Гете-Шиллеровскомъ архивѣ въ Веймарѣ хранятся письма Жуковскаго къ канцлеру фонъ-Мюллеру: одно отъ 12 мая 1846 года (изъ Франкфурта на Майнѣ), другое безъ даты (почтовый штемпель: Франкфуртъ на Майнѣ 14 іюня 1846 г.); въ обоихъ рѣчь идетъ объ „Арзамасѣ“.

или еще не найдено, если сбереглось, какъ напр. дневники Андрея Тургенева и А. С. Кайсарова; иное еще готовится къ изданію. Неизвѣстныя доселѣ письма Жуковскаго къ А. Мальтицу, изъ картоновъ Фарнгагена фонъ Энзе, явятся вскорѣ въ работѣ проф. И. А. Шляпкина: „Изъ послѣднихъ лѣтъ жизни Жуковскаго“, этюдѣ къ сочиненію: „Фарнгагенъ фонъ Энзе и его русскія отношенія“; письма касаются перевода Одиссеи, взглядовъ Жуковскаго на событія 1848 года и его историко-философскихъ воззрѣній. — Лишь при корректурѣ послѣдняго листа я могъ познакомиться, благодаря любезности А. Е. Грузинскаго, съ первыми листами редактируемаго имъ собранія писемъ Жуковскаго (къ Елагинной, Зонтагъ) и И. А. Мойеръ (послѣднихъ до ста) ¹⁾. Новыя письма Жуковскаго, изъ которыхъ нѣкоторыя напечатаны были лишь въ отрывкахъ, приносятъ, вѣроятно, неизвѣстныя намъ біографическія подробности, дополняютъ и исправятъ хронологію его поэтическихъ произведеній ²⁾, но, судя по его накапливающейся постепенно

1) Владѣлица этихъ писемъ — М. В. Беэръ, рожд. Елагина, дочь Екатерины Ивановны Мойеръ.

2) Въ одномъ изъ писемъ, предоставленныхъ мнѣ А. Е. Грузинскимъ, Жуковскій сообщаетъ Елагиной въ ноябрѣ 1818 года, что занятъ своими „грамматическими таблицами“, и когда онѣ кончатся, снова сдѣлается поэтомъ. „До тѣхъ поръ потерпите!... En attendant вотъ вамъ стихи, произведеиe минуты, мимо пролетѣвшей, следовательно, вамъ не должно выводить изъ этой пьесы никакихъ заключеній. Она написана для Вадковской, которая и лицомъ, и голосомъ (когда поетъ) похожа на Анну Ивановну (Плещееву). Естественно, что съ этимъ лицомъ и съ этимъ голосомъ тѣсно связано прошлое. Но не думайте, чтобы настоящее было дурно: я имъ доволенъ. Въ моемъ теперешнемъ положеніи много жизни; и я нахожу его часто прекраснымъ, точно по мнѣ. Однимъ словомъ, вообще не желаю переменъ; и воспоминанія прошедшаго не иное что, какъ сонъ, который слѣда не оставляетъ, который *дѣйствуетъ* только по тѣхъ поръ, пока *длится* — и этотъ сонъ рѣдокъ; настоящее хорошо“. — Слѣдуетъ стихотвореніе: „Минувшихъ дней очарованье“, напечатанное въ томъ-же году въ изданіи „Для немногихъ“. Зейдлицъ (а за нимъ Ефремовъ, проф. Архангельскій и я) отнесъ его къ 1816 году, къ настроенію котораго онъ дѣйствительно подходит. Зейдлицъ могъ ошибиться въ хронологіи, но и Жуковскій могъ набросать стихотвореніе ранѣе, чѣмъ обработалъ его для голоса Вадковской — и для печати; либо написать его и въ 1818 году, среди „грамматическихъ таблицъ“, когда на него налетало воспоминаніе и онъ записывалъ въ дневникѣ, что онъ и доволенъ настоящимъ, и знаетъ на землѣ „одно потерянное счастье“ (сл. далѣе стр. 240). — Сестры Вадковскія, Екатерина

корреспонденціи, мы не ожидаемъ новыхъ психологическихъ откровеній. Не смотря на свою сказочную лѣнь къ письмамъ, Жуковскій писалъ много, люди его кружка, Александръ Ивановичъ Тургеневъ и Булгаковъ, даже грѣшили эпистолярнымъ изобиліемъ; и всѣ они повторялись. Повторялся и Жуковскій, вращаясь въ той-же фразеологіи, въ томъ-же кругѣ идей, ставшихъ общими мѣстами: о прелести воспоминанія — и уединенія въ „миломъ кругѣ“, съ „подругой тишиной“, безъ надеждъ, но съ вѣрой въ Провидѣніе, въ очистительную силу страданія и т. д.

Особенно печально, что я не могъ воспользоваться для своей работы письмами М. А. Протасовой-Мойеръ. Отъ нея извѣстны были лишь обрывки писемъ и дневника ¹⁾; все остальное досказано Жуковскимъ и его друзьями; ея тихій образъ рисуется намъ въ отраженіи ихъ симпатій, нерѣдко заглазныхъ, направленныхъ симпатіями Жуковского. Она была не только предметомъ его юношескаго увлеченія, но и во многихъ отношеніяхъ его духовной дочери; писала прекрасно ²⁾,

Федоровна (съ 1820 г. замужемъ за Н. И. Кривцовымъ; сл. Остафьевскій Архивъ, I, стр. 496) и Софья Федоровна (вышедшая за П. М. Безобразова въ 1816 — или въ 1818 г., во второмъ бракѣ за Темирязовымъ; сл. Остафьевскій Архивъ, II, стр. 404, III, стр. 180) были дочерьми сенатора Ф. Ф. Вадковскаго отъ брака съ графиней Екатериной Ивановной Чернышевой, сестра которой, Анна Ивановна, въ 1799 г. вышла замужъ за Александра Алексѣевича Плещеева, двоюроднаго брата Марьи Андреевны и Александры Андреевны Протасовыхъ — и большого пріятеля Жуковского. Очень вѣроятно, что стихи его обращены были къ С. Ф. Вадковской, извѣстной красавицѣ, которую впоследствии воспѣвалъ и князь Вяземскій („Къ С. Ф. Безобразовой“, Полное собр. соч. кн. Вяземскаго, III, стр. 272—4, подъ 1822 г.).

1) Разумѣю ея нѣмецкій дневникъ, писанный за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти (сл. далѣе стр. 235—6). Въ письмѣ къ Елагиной 1 января 1831 года, сообщенномъ мнѣ А. Е. Грузинскимъ, Жуковскій приводитъ изъ него большія выдержки. Въ немъ она писала Зейдлицу, что посылаетъ ему *die Weihrauchschen Lieder zum Geschenke und meinen Ring zum Andenken* (сл. далѣе стр. 238—9).

2) „Знаешь-ли ты, у кого ты выучился писать? спрашивалъ Жуковскій И. В. Кирѣвскаго,— у твоей матери. Я не знаю никого, кто бы лучше писалъ ея. Она (А. П. Кирѣвская-Елагина), Марья Андреевна (Протасова-Мойеръ) и Александра Андреевна (Воейкова) — вотъ трое. Александра Андреевна писала прекрасно: *il y avait du génie dans son style*“. Полное собр. соч. И. В. Кирѣвскаго, т. I, письмо 12 января 1830 г. У Елагиной „чудное чутье поэзіи (да и по русски пишетъ она, какъ никто),

и намъ интересно будетъ встрѣтить въ ея живомъ словѣ заявленіе ея личности, такъ рѣдко сказывающейся въ общихъ формулахъ сентиментализма.

Жуковскимъ онѣ овладѣли настолько, что абстрактный идеаль *семьи*, какъ горнила нравственнаго преуспѣянія и счастья, заслонялъ въ немъ моментъ *личнаго* увлеченія¹⁾. Это не безразлично для оцѣнки его поэтическаго „строга“. М. А. Протасова несомнѣнно вдохновила чающую и унылую поэзію его первой поры; онъ мечталъ о *своей семьѣ*, въ которой бы царила его Маша, и разстался съ этой надеждой послѣ тяжелой борьбы. 14 января 1817 года Марья Андреевна вышла замужъ за Мойера; въ ноябрѣ того-же года Карамзинъ ищутъ для Жуковскаго невѣсту²⁾, но уже въ февралѣ она найдена: ее звать Анетой, Жуковскому говорятъ, что онъ ей приглянулся, хвалятъ ея характеръ, она необыкновенно умна, сердце прекрасное, но „она принадлежитъ къ одному изъ первыхъ домовъ Лифляндіи“; удовлетворится ли она его кругомъ? Надо съ ней поближе познакомиться, ибо онъ хочетъ „имѣть вѣрную привязанность, основанную на знаніи характера, на согласіи образа мыслей о счастіи“. Онъ видѣлъ ее въ Петербургѣ, въ мартѣ она вернется въ Дерптъ, и у него будетъ „способъ что-нибудь узнать“. Долженъ ли онъ оттолкнуть этотъ случай? Уѣхавъ изъ Дерпта, „я рѣшительно откажусь отъ того, что, можетъ быть, дастъ мнѣ счастье, и откажусь, какъ слѣпой, добровольно, не давъ себѣ даже взглянуть на то, что само шло ко мнѣ навстрѣчу. Со всѣмъ тѣмъ этотъ мартъ меня пугаетъ: сердце молчитъ! Въ немъ совершенно нѣтъ никакого яснаго, рѣшительнаго желанія! Единственная связь между мною и ей есть та привязанность, которую я въ ней къ себѣ предполагаю. И эта связь можетъ быть сильной, теперь однако нѣтъ ничего! И я нахожу въ себѣ одно только безпокойное ожиданіе, чувство болѣе непріятное, чѣмъ пріятное! Я даже думаю, что обрадуюсь,

именно той поэзіи, которая заключается въ томъ je ne sais quoi, которое всюду и нигдѣ“ (Жуковскій къ А. П. Зонтагъ 6/18 апрѣля 1849 г.). Интересны въ отрывкахъ писемъ А. П. Елагиной къ Жуковскому (6 ноября и 1 декабря 1851 г.) ея отрицательный отзывъ о темѣ „Странствующаго Жюда“ и осужденіе статьи „О смертной казни“ (сл. далѣе стр. 358 отзывъ Аксакова). Жуковскій защищался, укрываясь и противорѣча себѣ, въ письмѣ изъ Бадена 3/15 января 1851 г. (сообщеніе А. Е. Грузинскаго).

1) Сл. далѣе гл. VIII, стр. 286 слѣд.

2) Сл. далѣе стр. 270—1.

когда увижу, что меня обманули; что этой привязанности ея ко мнѣ нѣтъ и не бывало“ 1).

Въ мартѣ 1819 года до Елагиной дошли слухи, что Жуковскій женится на С. М. Карамзиной; въ ноябрѣ она пишетъ о какой-то его nouvelle espréance и просить вывести ее изъ тревожнаго ожиданія. То была пора увлеченія Жуковского графиней С. А. Самойловой, оставившей слѣдъ въ его „мадригальной“ поэзіи 2). Ему хотѣлось бы жениться, писалъ о немъ Карамзинъ, „но при дворѣ не такъ легко найти невѣсту для стихотворца, хотя и любимаго“ 3).

Въ 1831 году матримоніальный вопросъ обновляется. До кн. Вяземскаго дошли слухи, что Жуковскій женится на княжнѣ Хилковой 4); въ томъ-же году Зонтагъ сватаетъ ему графиню Н. Г. Чернышеву, не называя ее. „Можетъ быть, я сказалъ бы вамъ да, еслибы вашими и своими глазами глядѣлъ на вашу безыменную закорючку, если бы былъ съ вами, отвѣчаетъ Жуковскій. Разшевелить меня легко! Помните ли Корсаковыхъ“? Но ему хотѣлось бы знать что нибудь объ этой безыменной, ея „le cher à moi, каково оно? Не худо знать и то, что присоединяется извнѣ къ le cher à moi“. „Я все поджидалъ, что Провидѣніе какъ нибудь за меня похлопочетъ и пришлетъ мнѣ жену. Самому хлопотать было некогда. Но Провидѣніе ничего не сдѣлало; *вѣрно не суждено мнѣ, чтобы у меня была моя семья.* Лѣта между тѣмъ подоспѣли и сдѣлали меня весьма нерѣшительнымъ. Одиночество тяжело и грустно подъ старость, но съ семейной жизнью сколько заботъ и зависимости“! Онъ „про себя богатъ“, и тѣмъ, что теперь имѣетъ, „могъ бы дать жить семьѣ“ 5).

Все это объясняетъ его неясныя мечтанія 1833 г. и венеціанское четверостишіе 1838 г.: „еще могу по прежнему любить“ 6).

Личный моментъ лирики Жуковского понять былъ у насъ слишкомъ односторонне; данныя, собранныя мною и подтвержденныя новыми письмами Жуковского, введутъ этотъ моментъ въ надлежащія границы, въ большемъ соотвѣтствіи не только

1) Къ Юшковой-Зонтагъ 4 февраля 1817 г. (сообщеніе А. Е. Грузинскаго).

2) Сл. далѣе, стр. 273 слѣд.

3) Сл. далѣе стр. 282.

4) Сл. далѣе стр. 283, прим. 3.

5) Къ Зонтагъ 24 мая 1831 года (сообщено А. Е. Грузинскимъ).

6) Сл. далѣе стр. 417—8.

съ качествомъ чувства, но и съ нравственными и житейскими идеалами поэта.

Таковы матерьялы, накопляющіеся для біографіи реальнаго Жуковскаго. Біографія эта не будетъ носить заглавія: Жуковскій и его время; еще при его жизни время его опередило; скорѣе такое: Жуковскій и его друзья. Онъ долго былъ и оставался поэтомъ кружка, вышедшаго изъ карамзинской школы, тургеневскаго, поддѣвиченскаго, арзамасскаго, и не его *fuhrender Geist*, а нравственное средоточіе, сердце. Люди кружка могли расходиться съ нимъ во многомъ, отставали отъ него или его опережали; вліяніе его поэзіи, мечтательной и патріотической, захватило широкіе общественные слои, а друзья по прежнему оглядывались на него, какъ на своего: это было ихъ лучшее, чистое прошлое, которымъ они себя провѣряли. Жуковскаго журили — и берегли и поднимали на щитъ, гордясь его литературной славой; собирали его стихи, ждали его писемъ, чтобы послушать его тихое, гуманное слово, внести его въ свой альбомъ и зажечь свои „фонари“ отъ его мирнаго огня; и сами шли къ нему съ душевной исповѣдью. Онъ же сохранился, какъ былъ, не только въ силу того, что долгое пребываніе за границей отчудило его отъ движенія русской живой дѣйствительности, но и по своей въ высшей степени консервативной натурѣ, все перерабатывавшей въ свою мѣру и прокъ. Такъ могло случиться, что на разстояніи тридцати слишкомъ лѣтъ онъ очутился на берегахъ Рейна съ идеалами „бѣлевскаго жителя“, въ такой же „сельской куцѣ“, какая ему снилась въ Муратовѣ. Годы проходили мимо него, какъ столѣтія мчались мимо „Странствующаго Жида“; пролетѣла пушкинская пора, байронизмъ, реализмъ и то, что называется русскимъ романтизмомъ; все это скользнуло по немъ, а онъ все тотъ-же. Мѣнялись предметы его привязанностей, не мѣнялось чувство въ сознаніи испытанной любви и дружбы, облагородившихъ его душу. Прошлое овладѣло настоящимъ; царило воспоминаніе.

Все это находило выраженіе въ его поэзіи; въ его балладахъ или идилліяхъ, повидимому не навѣянныхъ пережитымъ, есть невидимый элементъ признанія, *confession*, отъ Эпимесиды или Теона — до Одиссея. Онъ убаюканъ своимъ семейнымъ счастьемъ — и любитъ дѣтской простотой Гомера, но когда онъ падаетъ подъ тяжестью семейнаго креста и сѣтуетъ о томъ въ письмахъ къ друзьямъ, — онъ переводитъ „Выборъ креста“

изъ Шамиссо. Его переводы и усвоенія чужихъ поэтическихъ произведеній, составляющіе три четверти его литературнаго наслѣдія, отвѣчаютъ тѣмъ-же требованіямъ: выбирались лишь тѣ, или то изъ нихъ, что отвѣчало его внутреннему содержанію, потребности его выразить, прививъ къ чужой идеѣ свою собственную. Содержаніе это было — міръ души, воспитаніе довѣющей себѣ и Богу личности, „души“ Карамзина. Воспитаніе началось въ мечтательномъ уединеніи Бѣлева, удалось въ изолированности Петербургской придворной сѣры, завершилось въ отчужденности Дюссельдорфа и Баденъ-Бадена. Жуковскій не закрывалъ глаза на происходившую вокругъ него общественную борьбу, но не понималъ ее; ему противны стали и Онѣгины и Герои нашего времени, эти „бѣсы“, расплодившіеся отъ „Вертера“ и „Донъ-Жуана“. Все дѣло въ „душѣ“, въ довѣрїи къ Промыслу; герой его неоконченной поэмы, единственной, обѣщавшей быть самостоятельной, приходитъ къ сознанію, что счастье — въ отреченіи отъ собственной воли, въ ея подчиненіи воли Божьей.

Уѣзжая въ 1841 году за границу для женитьбы, онъ утѣшалъ А. П. Зонтагъ, потерявшую мужа: „Гёте сказалъ про поэзію:

Lied und Freude wird Gesang.

Онъ правъ — поэзія единственное вѣрное *земное* утѣшеніе. Но Гёте, еслибы могъ, долженъ бы былъ выразить это и такъ:

Lied und Freude wird Gebet“ 1).

Vous êtes transparent, bon Joukovsky, писала ему графиня Разумовская. Онъ дѣйствительно прозраченъ, хрустальная душа, какъ говорилъ Пушкинъ, но не всякому удавалось такъ часто уединяться отъ толпы и уличнаго движенія, чтобы столь дѣлственно соблюсти свою прозрачность. Поэзія Жуковского — это поэзія сентименталиста карамзинской эпохи, прожившаго на островахъ блаженныхъ въ ожиданіи будущаго, которое осуществила бы идеалы его прошлаго. Оттого такъ искренне-мечтательна и тосклива его пѣсня, когда онъ — весь на лицо.

1) Письмо 29 ноября 1839 г., сообщ. А. Е. Грузинскимъ

Я коснулся лишь нѣсколькихъ общихъ положеній моей книги, которую я не рѣшился назвать біографіей. Читатели найдутъ въ ней нѣсколько дотолѣ неизвѣстныхъ матеріаловъ, за сообщеніе которыхъ, равно какъ за цѣнныя указанія и помощь, приношу мою искреннюю благодарность проф. А. С. Архангельскому, гр. А. А. Бобринскому, И. А. Бычкову, А. Е. Грузинскому, Н. О. Дубровину, П. В. Жуковскому, Н. К. Кульману, Е. А. Лѣве, Б. Л. Модзалевскому, А. О. Онѣгину, П. К. Симони, Е. Е. Рейтерну, гр. А. А. Толстой, А. С. Усовой, А. А. Шилову, В. О. Шишмареву и А. А. Оомину. Благодаря Н. О. Дубровину я могъ воспользоваться нѣкоторыми дневниками Ал. И. Тургенева, доставленными его племянникомъ, П. Н. Тургеневымъ. Письма братьевъ Тургеневыхъ, Александра, Николая и Сергѣя, готовить къ изданію, по порученію Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ, А. А. Оомины, въ копіи котораго я познакомился съ письмами Андрея И. Тургенева; письма Александра И. Тургенева, еще не приведенныя въ порядокъ, были мнѣ доступны въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ это было желательно. Нѣсколько данныхъ я могъ почерпнуть изъ писемъ Жуковскаго къ императору Николаю I и къ императрицѣ Александрѣ Федоровнѣ, печатаемыхъ А. А. Ооминымъ въ изданіяхъ того-же Отдѣленія, и изъ альбомовъ Жуковскаго, недавно принесенныхъ въ даръ Имп. Публичной Библіотекѣ его сыномъ, П. В. Жуковскимъ.

Будущій біографъ поэта будетъ, безъ сомнѣнія, богаче меня фактами, либо не открытыми доселѣ, либо недосмотрѣнными мною. Послѣдней возможности я не отрицаю; но для меня всего важнѣе вопросъ: угадалъ-ли я общее настроеніе, отвѣтилъ-ли требованіямъ объективности безпристрастнымъ выборомъ матеріала, предоставляющимъ читателю выводы и оцѣнку? Къ этой объективности я стремился, сознавая, что она всецѣло недостижима. Я старался направить анализъ не столько на личность, сколько на общественно-психологическій типъ, къ которому можно отнести отвлеченнѣе, внѣ сочувствій или отверженій, которыя такъ легко заподозрить въ лицепріятіи.

Короваево,
лѣтомъ 1903 г.